

Ольга ХИНН (Перова) по профессии журналист. В 1988 году окончила Московский полиграфический институт, редакционно-издательский факультет. С 1986 года работала редактором и ведущим редактором в различных государственных и коммерческих издательствах. Создатель редакции детской литературы в издательстве АСТ. Именно в это время сама начала не только редактировать, но и писать книги. С 2004 года — руководитель издательской группы Oliss. Осуществляет совместные проекты с издательствами ЭКСМО, «Аттикус» и другими.

Автор 18 детских книг (псевдоним Ольга Перова), вышедших в издательствах «Эксмо», «Махаон-Украина», «Аттикус». Член Союза писателей России (МГО) с 2011 года.

БРУСНИЧНЫЕ ПОСИДЕЛКИ

Галина Игнатьевна Орехова. Вне школы мы звали её просто Галя. Учительница литературы и русского языка школы № 6 в маленьком заполярном городке Апатиты, что на Кольском полуострове. При упоминании о провинциальной учительнице обычно возникает образ тихой милой интеллигентной чуть ли не бабушки, с пучком на голове. Как бы не так! Высокая, статная, с царственной осанкой, сложносочиненной прической, с вечно смеющимися огромными карими глазами, вся хрустящая от чистоты и свежести. Вот какая была наша Галя! (Окончившая Ленинградский Герценовский пединститут.)

Она могла войти в школу и, увидев какой-нибудь непорядок, с порога гаркнуть:

— А ну, марш по классам, звонок уже прозвенел!

Так, что было слышно на всех трех этажах.

А могла войти в класс и, плотно прикрыв дверь, шепотом:

— Народ, сегодня в кинотеатре начинают показ фильма «Табор уходит в небо». Есть предложение вместо урока литературы всем махнуть в кино. Ве-

чером билетов будет не купить (*кинотеатр-то в городе всего один — О.П.*), а на дневной сеанс можно. Вадька, вот тебе деньги, беги за билетами. А мы все по одному на цыпочках на выход.

Вот как мы изучали Максима Горького с его Макаром Чудрой, красавцем Лойкой и непокорной строптивицей Радой. Кому бы еще так повезло!..

А где же посиделки? Терпение, скоро будут. В стране была вязкая, как кисель, эпоха застоя. Гале хотелось дать нам нечто большее, чем школьная программа по литературе. Она пыталась научить нас видеть, слышать и чувствовать, сопереживать и радоваться жизни. Так возникла идея создания литературного кружка с романтично-символическим названием «Зелёная лампа». Кстати, нашлась и лампа — этакий канцелярский грибок, с «шляпкой» из зелёного матового стекла. Но нельзя же было, в самом деле, в стенах школы читать в ту пору Солженицына. За это могла поплатиться не только Галя. И она устраивает этот кружок... у себя дома. А вот и пирогами запахло. Первыми приходили девчонки и пекли пирог по Галиному рецепту. Я всю жизнь пеку этот пирог и, признаюсь честно, ничего проще и вкуснее придумать нельзя. Правда, в Москве я бруснику иногда заменяю протертой на крупной тёрке антоновкой. Для теста нужны пачка маргарина (200 г), пачка сметаны (в те времена были такие корытца с желто-синей этикеткой 200 г), 4 ст. ложки сахара, щепотка соли и мука. Маргарин стругается в миску прямо из холодильника, не раскисший. Далее добавляется все остальное в любой последовательности. Муки надо сыпать столько, пока тесто не превратится в однородную массу.

А духовочка-то у нас уже нагрелась. Ленка с Наташкой мнут бруснику с сахаром в керамической миске, и хохочут, когда упругие ягоды взрываются и брызжут в лицо кислым брусничным соком. Тогда раскатываем половину теста тонко-тонко, и выкладываем на ничем не смазанный противень, предварительно накрутив на скалку (чтобы не порвалось). Пока выкладываем бруснику, раскатываем остатки теста и накрываем наш пирог, залепив края и проковыряв дырку посередине — чтобы дышал. Посыпаем сахарной пудрой, корицей и — в духовку на 10-15 минут.

И вот большая Галина кухня в сталинском доме наполняется восхитительным бруснично-коричным духом. Чайник уже отсвистел положенное, и кипятком из него перебрался в огромный пузатый фарфоровый заварник, красный в белый горшок.

В доме у Гали не принято было разбавлять заваренный чай кипятком. Ароматный индийский чай из пачки «со слоном» разливали по чашкам прямо из

заварного чайника. Пирог вынимался из печи, соскальзывал на доску и через несколько секунд все могли лакомиться хрусткими душистыми ломтиками с огненной терпкой начинкой. Ну, а далее начиналась пицца духовная. Чего мы только не читали, чего не обсуждали самозабвенно и рьяно, как возможно только в юности! Все новинки из толстых литературных журналов мы узнавали первыми. До сих пор удивляюсь, где и как удавалось Гале их доставать в нашем-то медвежьем углу! В наших дебатах не было ничего назидательного, выпренного. Как-то ненароком впитывались такие понятия, как честь, совесть, порядочность, верность и преданность... В меня, например, тяжелой каплей влилась фраза: «Умри, но не давай поцелуя без любви». Может, потому я и живу вот уже больше четверти века со своей второй половинкой в любви и согласии.

Я уже пережила по возрасту свою любимую учительницу. самого верного и надёжного друга на свете. Но по сей день, когда я сажусь читать хорошую книжку, ноздри мои щекочет брусничный аромат Галиных пирогов.

БАБУШКА

— Тук-тук-тук, — стучали каблучки по асфальту. Когда-то этот звук ей казался таким приятным для слуха и уютным. Теперь же вызывал только невыносимое раздражение. Рождение двух сыновей не смогло её отучить от тупель на шпильках. Но тащить тяжелые сумки с продуктами с походкой леди... Она чувствовала себя андерсеновской Русалочкой. Да еще ручка у сумки оборвалась. Слёзы брызнули из глаз. Надо побыстрее доковылять до дома, бросить сумки и бежать в детский сад за детьми...

— Что же вы, мамаша, ребенка в сад без шапки водите? Осень уже на дворе! — отчитывала её воспитательница.

Она судорожно запиховала детскую ручонку в рукав, и, прикусив губу, чтобы не расплакаться, быстро-быстро кивала головой: дескать, да, конечно, будет шапочка. А сама мучительно думала, где же взять эту пресловутую шапку? В магазинах — пустые полки, купить на рынке — не на что, да и некогда с двумя-то! Хорошо хоть маленькому еще от старшего что-то достается.

Вечером, уложив мальчиков спать, она нашла в шкафу свитер, связанный покойной бабушкой. Она давно уже «выросла» из него, и берегла как память. Вздохнув, распоролла по швам, и стала распускать, сматывая пряжу в клубки. Вязаные вещи напоминали о бабушке, связывали с нею. Бабушка жила

очень далеко, с младшей дочерью, и в гости приезжала крайне редко. Но на каждый праздник, будь то Новый год, день рождения или вовсе Первомай, от нее приходила посылка с чудесными рукавичками, носочками, кофточками и другими «теплыми гостинцами». А самое приятное и волшебное заключалось в том, что в рукавичке или в носочке обязательно был сюрприз — конфетка или шоколадка.

Когда она подросла, то стала писать бабушке письма, на которые получала ответы такие же нежные и теплые, как бабушкины варежки.

Длинную, но очень непростую жизнь прожила ее бабушка. Деда (странно звучит это слово — ему в ту пору было всего 32 года!) расстреляли в тридцать восьмом. А бабушку с тремя детьми отправили в спецпереселение под надзор НКВД. Дед был реабилитирован посмертно. А бабушка замуж больше не вышла, и детей поднимала одна. Причём все трое получили высшее образование. И это будучи детьми «врага народа»! Шестеро внуков были бабушкой обласканы и обвязаны. Да и первым правнукам кое-что перепало. Бабушки не стало несколько лет назад.

Она с грустью думала обо всем этом, перебрасывая череду петель со спицы на спицу. Ей очень не хватало бабушкиных добрых советов и участия.

Шапочка для сына была связана, когда первые лучи холодного осеннего солнца заглянули в окно.

— Ой, мамочка, где ты взяла такую красивую шапочку? — радостно закричал утром сынишка.

— Бабушка прислала! — улыбнулась она.

— Моя бабушка?

— Нет, сыночек, моя.

— Смотри, мама, а здесь конфетка!

